

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА И МИКРОТОПОНИМИКА

<https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.154>

А.А. Афанасьева
(Петрозаводск, Россия)

АРЕАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ КАРЕЛЬСКИХ ТОПОНИМНЫХ МОДЕЛЕЙ В СЯМОЗЕРЬЕ

В статье рассматриваются ареалы карельских топонимных моделей на территории южной Карелии, в Сямозерье. В разное время эта область была подвержена вепсскому, русскому, собственно-карельскому влиянию. Применение ареально-типологического метода исследования заключается в выявлении в массе топонимического материала тех моделей именования, которые имеют ареальные и хронологические рамки бытования, с последующим их картографированием и анализом полученных ареалов. Применение его к топонимии Сямозерья позволило увидеть разные этапы в заселении волостных территорий, выявить иноэтничное влияние, проникшее из-за пределов данной этнолокальной зоны, а также уточнить историческую семантику лексем, выступающих в качестве топооснов.

Ключевые слова: карельская топонимия, топонимные модели, ареал, Карелия, карелы-ливвики, ареально-типологический метод.

Регион Сямозерья сформировался на территории южной Карелии вокруг обширного озера Сямозера (бассейн р. Шуя). Располагаясь на перекрестке транзитных водных путей, Сямозерье на протяжении столетий испытывало разноязычное и разноэтничное влияние. Здесь проходит граница трех карельских диалектных ареалов: собственно карельского, ливвиковского и людиковского. При этом два последних сохраняют значительные следы вепсского языкового субстрата. Сямозерье на разных этапах истории оказывалось также в зоне непосредственного или опосредованного русского языкового воздействия. Каждый из колонизационных потоков приходил сюда со своими традициями именования мест и использовал их для называния географических объектов в Сямозерье. В результате топонимические данные, для которых характерна значительная устойчивость во времени, позволяют реконструировать

главные этапы и пути освоения территории. Основным инструментом для такой реконструкции служит ареально-типологический метод исследования, который заключается в выявлении в массе топонимического материала тех моделей именования, которые имеют ареальные и хронологические рамки бытования, с последующим их картографированием и анализом полученных ареалов. Метод успешно применен к исследованию топонимической карты Финляндии и Карелии [Kiviniemi 1975; Kiviniemi 1990].

Он основан, во-первых, на том, что топонимы рождаются по определенным моделям, образцам, в ряду подобных и поэтому вписываются в определенные типы – как структурные, так и лексико-семантические. Так, далеко не любое слово может закрепиться в топонимии, о чем свидетельствует анализ типовых топооснов в финской [Кивиниemi 1990], вепсской [Муллонен 1994], карельской [Кузьмин 2014] топонимии. Так же избирательна топонимия и в выборе суффиксов: из всех именных словообразовательных формантов топонимия использует, как правило, менее десятка [ТМОИ]. При этом большинство моделей характеризуется определенными хронологическими рамками бытования, мода на модель приходит и уходит.

Убедительным примером хронологических границ в бытовании моделей являются ойконимы – названия отдельных деревень, входящих в состав исторических волостей. Анализ показывает, что их возраст разнится. Названия деревень, составляющих исторический центр сямозерского села Вешкелицы, т.е. хронологически наиболее ранних, использовали традиционную прибалтийско-финскую ойконимную модель с суффиксом *-lu* (в русской интерпретации *-ла*): *Арькойла*, *Хошкойла*, *Никкойла*, *Маккойла*, *Ваччойла*. В прибалтийско-финской, в том числе в карельской, топонимии такие названия поселений вырастают из первоначальных наименований домов. Иначе говоря, это первоначальные однодворные поселения, названные по имени основателя: *Hoškoi*lu, рус. *Хошкойла*, от карельского *Hoškoi*, которое восходит к рус. православному мужскому имени *Осип*.

Примечательно, что поселения, возникавшие в более отдаленной округе, практически не назывались таким образом. Судя по списку деревень Вешкельского прихода конца XVIII века (1795 г.), деревни получали свои названия по тем природным объектам, в черте которых располагаются: озерам (*Кангозеро*, *Корбозеро*, *Нялмозеро*), их мысам и заливам (*Сяргилахта* и *Инжунаволок* на западном берегу Сямозера), а также сельгам: *Канчинсельга*, *Лухтансельга*, *Масельга*, *Нинисельга*, *Подкусельга*, *Чалкойсельга*. Этот список свидетельствует о широком распространении в XVIII–XIX веках т.н. сележного типа поселений – своеобразной внутренней миграции, появлении и развитии сельскохозяйственных поселений на сельгах.

Рубеж XIX–XX веков характеризуется появлением еще одного типа населенных мест, связанным с рождавшимися в это время хуторами и выселками,

отпочковавшимися от родовых деревень. В их названиях закрепляется имя или прозвище основателя поселения в чистом виде, без какого-либо суффиксального оформления. Примером могут служить хутора с названием *Aksentii* (Аксентий), *Barti* (Барти), *Bul'a* (Буля), *Bogdi* (Богди), *Dekku* (Декку), *Mikko* (Миккой), *Mul'ugu* (Мулюга), *Jupli* (Юпль). Часть этих названий восходит к карельским вариантам православных имен, в других же закрепились прозвища, родовые именованья: хутор с забавным названием *Korotkoi* (Короткой) сохраняет память о человеке с соответствующим прозвищем, имеющим русские корни: короткий – видимо, небольшого роста человек. Таким образом, сама модель топонима является маркером его возраста, а также типа объекта называния.

Вторая составляющая ареально-типологического метода – это ареальность. Топонимные типы или модели привязаны к территориям. Человек вместе с языком усваивает систему окружающих его топонимов. У него формируется представление о том, каким должно быть название места, и когда он сам оказывается в роли имядателя, он опирается на эти знания и представления. Существующая система названий оказывается моделью (образцом) для создания новых топонимов. Соответственно, осваивая новую территорию, человек переносил на нее традиционную для него систему названий. В результате, за ареалом модели стоит важное историко-культурное содержание, он позволяет наметить колонизационные пути, границы этнических территорий, центры инноваций.

В говорах Сямозерья понятие ‘родник’ выражается двумя терминами: *lähte* (отглагольное имя, ср. *lähtie* ‘выходить, идти’) и *nouzemi* (отглагольное производное от *nousta* ‘подниматься’) и из которых первое имеет общие прибалтийско-финские истоки, а второе является ливвиковской инновацией. Они не дистрибутируются ареально, поэтому остается предположить, что в прошлом между ними существовала определенная семантическая разница, которая со временем смазалась. На южной окраине Сямозерья в нескольких топонимах фигурирует топооснова *Purde-* (напр., озеро *Purdoilambi* ~ *Purdolambi* – рус. Пурдо, бол. *Purdosuo*, поле *Purdepeldo* ~ *Purdegenpeldo*, поле *Purde*, родник *Burde*), при этом центр ареала находится значительно южнее, на вепсской языковой территории, а сама основа возводится к вепсскому термину *burde* ‘родник’, неизвестному карелам-ливвикам, в том числе и населяющем Сямозерье. В совокупности с рядом других «вепсизмов» данная топооснова явно отражает приток вепсского населения на север и участие вепсского языкового компонента в формировании южных карельских наречий [Mullonen, Zaitseva 2017: 108].

В контексте ареальной дистрибуции существенно и то, что на западной окраине Сямозерья, в Вешкельской волости, письменными источниками XIX в. зафиксирован топоним *Гетте суо* [Сведения], в котором просматривается карельский оригинал в

виде *Hettesuo (-*suo* ‘болото’). В нем отразился собственно карельский термин *hete* (основа косвенных падежей *hettehe*-) ‘ключ, родник’ [СКГК: 96], не свойственный ливвиковскому наречию и неизвестный в вешкельском говоре. Топоним явно отражает собственно карельское топонимическое влияние в Западном Сямозерье, распространившееся из географически смежного Северного Приладожья. Таким образом, просматривается определенное ареалирование, распространение в Сямозерье с юга вепских типов, а с запада – собственно карельских, которые, однако, являются для Сямозерья маргинальными и не разрушают целостности данной локальной зоны южной Карелии. Последний вывод подтверждается в целом и другими подпирющими с юга вепскими моделями, не оставившими здесь существенного следа, в то время как западные собственно карельские инновации закрепились здесь очень убедительно и позволяют говорить о прочных этнокультурных связях с Приладожьем.

Далее рассмотрена ситуация двух типовых топооснов, выраженных синонимичными лексемами и не разнесенных ареально. В карельских ливвиковских говорах используется несколько лексем для выражения значения ‘место’: *kohtu*, *paikku*, *sija*, *tila*. Из них в топонимии нашли использование две первых: луда *Hongusuarenkohtasluodo* (Нижняя Салма), пастбище *Pekinkohtu* (Метчелица), поле *Šopotinkohtu* (Метчелица), тоня *Suarenkohtasabai* (Угмойла), поля *Kohtanaidu* (Клещейла), зал. *Kohtanguba* (Сяргилахта), г. *Kohtankangahat* (Сяргилахта), луда *Kohtanluodo* (Миинойла), поля *Kohtanpellot* (Черная Ламба), луда *Kohtuluodo* (Сяргилахта), г. *Kohtupaikanmägi* (Павшойла), угод. *Kohtuselgy* (Вешкелица), о. *Kohtusuari* (Павшойла), бол. *Kohtusuo* (Акимово), зал. *Kohtusuonguba* (Новая Заживка); поле *Kangaspaikku* (Угмойла), поле *Kohtupaikku* (Сяргилахта), поле *Laččupaikku* (Пенгисельга), бол. *Lagipaikansuo* (Савиново), поле *Lagipaikku* (Черная Ламба), поле *Ristupaikku* (Клещейла), пок. *Torapaikku* (Метчелица), бол. *Torpaikansuo* (Метчелица). Полагаем, что термины, выступающие в топонимах, не были полными синонимами, однако семантическая дистрибуция нивелировалась со временем. Топонимическое бытование, кажется, позволяет ее реконструировать. Здесь стоит обратить внимание, прежде всего, на то, что термин *paikku* (пок. *Heinypaikat*, поле *Kangaspaikku*, поле *Kohtupaikku*, поле *Laččupaikku*, оз. *Kuuropaikku*, поле *Lagipaikku*, поле *Ristupaikku*, пок. *Torapaikku* и др.) использован исключительно в роли основного элемента сложных топонимов, в то время как *kohtu* представлен и в качестве атрибута: поля *Kohtanaidu*, зал. *Kohtanguba*, г. *Kohtankangahat*, луда *Kohtanluodo*, поля *Kohtanpellot*, угодье *Kohtuselgy*, бол. *Kohtusuo*, о. *Kohtusuari* и др. Сама привязка топонимов к местам, расположенным напротив деревни (т.е. *Kohtupeldo* перед домами деревни, остров *Kohtusuari* соответственно в озерном заливе напротив поселения), что характеризует, очевидно, разное семантическое наполнение: *kohtu* обозначало прежде всего ‘место напротив’, в то время как *paikku* не имело такой семантики. Примарная семантика

лексемы *kohtu* подтверждается и наречием *kohtas* ‘напротив’, которое представляет собой застывшую падежную форму слова *kohtu*. Возвращаясь к топонимам с детерминантом *-paikku*, следует отметить, что подавляющее большинство их привязано к сельскохозяйственным угодьям – полям и покосам, и это не случайно. Такое использование актуализирует вторичную семантику лексемы *paikku* ‘полоса, участок поля’, зафиксированную словарем KKS в ливвиковских говорах [KKS, 4: 104]. Иначе говоря, отсутствие ареальной оппозиции в данном случае оказывается на самом деле видимостью. Каждый из терминов, выступающий в роли топоосновы, характеризовался исторически более четко обозначенным смысловым оттенком в ряду семантически однородных терминов, и топонимы позволяют реконструировать эти исходные позиции.

Итак, модельность, т.е. бытование определенных моделей, характеризующихся временными и ареальными рамками использования и направляющих процесс называния, является одной из основополагающих принципов топонимии. Применение его к топонимии Сямозерья позволило увидеть разные этапы в заселении волостных территорий, выявить иноэтничное влияние, проникшее из-за пределов данной этнолокальной зоны, а также уточнить историческую семантику лексем, выступающих в качестве топооснов.

Примечание

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

Литература и источники

- Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
- Сведения – Сведения о сенокосах в крестьянских хозяйствах Петрозаводского уезда (площадь, характеристика) // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Оп. 2. Д. 50/839. Л. 21.
- СКГК – Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост. В.П. Федотова, Т.П. Бойко. Под общ. ред. В.П. Федотовой. Петрозаводск, 2009. 750 с.
- ТМОИ – Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; отв. ред. А.П. Непокупный. М.: Наука, 1986. 254 с.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.
- Kiviniemi E. Paikannimien rakennetyypeistä. Helsinki: SKS, 1975. 82 s.
- Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki: SKST 516, 1990. 243 s.
- Kuzmin D. Vienen Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. 346 s.
- Mullonen I., Zaitseva N. Areal Distribution of Veps Topographical Vocabulary // Linguistica Uralica. Tallinn, 2017. T. 53. № 2. Pp. 106–123.